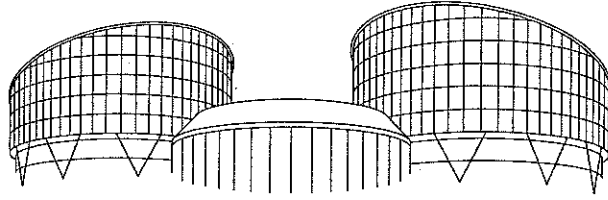

Неофициальный перевод

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АБИДОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 52805/10)

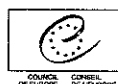
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

12 июня 2012 г.

вступило в силу 12 сентября 2012 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Абидов против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая
Палатой в следующем составе:

Нина Вайич, *Председатель,*
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Мирьяна Лазарова-Трайковска,
Джулия Лаффранк,
Линос-Александр Сицильянос, *судьи,*
и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции,*
проведя закрытое заседание 22 мая 2012 г.,
вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 52805/10) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Кыргызстана Жахонгиром Минхатовичем Абидовым (далее – «заявитель») 27 августа 2010 г.

2. Интересы заявителя представляли Э. Давидян и Е. Рябина, юристы неправительственной организации Европейский центр защиты прав человека (ЕНРАС)/Правозащитный центр «Мемориал», находящейся в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его экстрадиция в Узбекистан, для уголовного преследования, являлась нарушением статьи 3 и статьи 13 Конвенции, и что его содержание под стражей до экстрадиции подняло вопросы в рамках статьи 5 Конвенции.

4. 24 декабря 2010 г. Председатель Первой Секции, действуя в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, принял решение указать российским властям на то, что заявитель не должен быть выдан в Республику Узбекистан до получения дополнительного уведомления, а также принял решение рассмотреть жалобу заявителя в приоритетном порядке.

5. 24 июня 2011 г. жалобы была коммуницирована Властям. Также Суд принял решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель, 1981 г.р., проживает в г. Новосибирске.

A. Общая информация по делу и приезд заявителя в Россию

7. Заявитель является этническим узбеком и до своего приезда в Россию проживал в городе Ош, Кыргызстан.

8. С 2001 г. заявитель регулярно приезжал в Россию и Южную Корею на заработки. В 2003 г. в квартире заявителя стали проживать муж сестры заявителя и его знакомые из Узбекистана. По всей видимости в отношении мужа сестры заявителя в Кыргызстане было возбуждено уголовное дело по подозрению его в причастности к деятельности вооруженной группировки. Вскоре после этого, заявитель уехал в Южную Корею на заработки, проехав транзитом через Узбекистан. Вернувшись в Кыргызстан в 2005 г., он был допрошен в качестве свидетеля по делу мужа его сестры. В 2006 г. последний был убит при ликвидации вооруженной группировки, в участии в которой его подозревали.

9. В ноябре 2009 г., решив переехать в Россию на постоянное место жительства, заявитель обратился в Управление Федеральной миграционной службы (ФМС) по Новосибирской области (далее - «областное управление ФМС») за получением российского гражданства. Вскоре после этого он был вынужден вернуться в Кыргызстан по семейным обстоятельствам. В марте 2010 г. УФМС предположительно сообщила заявителю, что он получил российское гражданство; однако позже данная информация подтверждена не была (см. ниже). 27 июня 2010 г. заявитель вернулся в Новосибирск.

B. Уголовное преследование заявителя в Узбекистане

10. 8 декабря 2006 г. следственным отделом Службы национальной безопасности Узбекистана (далее - «следственный отдел») было возбуждено уголовное дело в отношении заявителя по части 1 статьи 159 (посягательство на конституционный строй), части 1 статьи 242 (организация преступного сообщества) и части 1 статьи 244-2 (участие в запрещенных религиозных и иных организациях) Уголовного Кодекса Республики Узбекистан («УК Узбекистана»). Заявитель, находясь в Новосибирске, в частности, подозревался в создании экстремистской организации «Киргизское сообщество» («кыргыз

жамоати») и в том, что он обеспечивал ее членов квартирами, финансовыми средствами, питанием, а также оказывал им содействие для встреч с эмиссарами Исламского движения Узбекистана с целью насильственного изменения конституционного строя Республики Узбекистан.

11. 19 января 2007 г. следственным отделом были вынесены два обвинительных заключения в отношении заявителя. Содержание документов отличается: именами пособников, названием преступной группировки, в которой состоял заявитель, и степенью его личного участия. В одном из данных документов заявитель обвинялся в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 УК Узбекистана, а в другом ему было предъявлено обвинение по пунктам «а» «б» части 3 статьи 159 УК Узбекистана. Кроме того, один из документов не был ни подписан руководителем следственного отдела, ни скреплен печатью прокуратуры Новосибирской области.

12. 19 января 2007 г. следственный отдел *in absentia* (заочно) предъявил заявителю обвинение в вышеупомянутых преступлениях и распорядился о его задержании, а также объявил его в розыск.

В. Процедура экстрадиции

13. 28 июня 2010 г. заявитель был задержан сотрудниками милиции в Новосибирске как лицо, разыскиваемое властями Узбекистана (см. ниже).

14. 23 июля 2010 г. Генеральная прокуратура Узбекистана направила своим российским коллегам запрос об экстрадиции заявителя в связи с его обвинением по пунктам «а» и «б» части 3 статьи 159, части 1 статьи 242 и части 1 статьи 244-2 УК Узбекистана. Ссылаясь на статью 66 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам («Минская Конвенция»), узбекские власти заверили своих российских коллег, что: заявитель не будет экстрадирован в третью страну без согласия Российской Федерации; против него не будет возбуждено других уголовных дел; он не будет осужден или наказан за преступление, которое не было указано в запросе об экстрадиции; и что он сможет покинуть Узбекистан после того, как судебное разбирательство будет завершено, а наказание – исполнено.

15. По всей видимости, до этой даты киргизские власти отказали Генеральной прокуратуре Узбекистана в удовлетворении аналогичного запроса об экстрадиции.

16. 30 сентября 2010 г. заместитель генерального прокурора вынес постановление о выдаче Заявителя в Республику Узбекистан. Он сослался на обвинения, выдвинутые против заявителя, согласно которым в 2003 г. заявитель создал в Новосибирске преступную

группировку «Киргизское сообщество», целью которой являлось насильственное изменение действующего конституционного строя Республики Узбекистан путем создания альтернативного исламского государства, распространения радикальной исламской идеологии и антиправительственных материалов, и предоставлял квартиры, финансовые средства членам группировки. Прокурор принял решение о выдаче заявителя на основании обвинений в создании преступного сообщества и участии в нем (часть 1 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации («УК РФ»)) и попытке насильственного изменения существующего режима и конституционного порядка (статья 278 УК РФ). Он отказал в его выдаче в соответствии с частью 1 статьи 244-2, так как «Киргизское сообщество» не было запрещено в России. Прокурор также отметил, что срок исковой давности для этих преступлений еще не истек ни в России, ни в Узбекистане. Прокурор отметил, что в соответствии с Минской Конвенцией и Уголовно-процессуальным кодексом РФ, различия в квалификации преступлений и отдельных элементов их составов в российском и узбекском уголовном праве не являлись достаточными основаниями для отказа в экстрадиции. Наконец, прокурор сослался на информацию, представленную ФМС, о том, что заявитель являлся гражданином Кыргызстана, который не подавал прошения о предоставлении ему российского гражданства. Прокурор сделал вывод о том, что не имеется никаких препятствий для экстрадиции заявителя в Узбекистан.

17. 8 октября 2010 г. заявитель был ознакомлен с данным решением и обжаловал его в областной суд, указав, что в случае выдачи он подвергнется в Узбекистане пыткам и иному недозволенному обращению из-за предъявленных ему обвинений в совершении политических преступлений. Заявитель и его адвокат подчеркнули практику систематических нарушений прав человека в Республике Узбекистан, представив ряд международных докладов, публикаций в СМИ, и практику прецедентного права Европейского Суда по правам человека. Они также утверждали, что обвинения против заявителя являлись ложными, указывая на противоречия, имеющиеся в обвинительных заключениях (см. выше).

18. 29 ноября 2010 г. Новосибирский областной суд (далее - «областной суд») рассмотрел дело по жалобе заявителя. Адвокат заявителя подчеркнул, что его подзащитный никогда не подвергался уголовному преследованию в России за преступления, якобы совершенные на ее территории.

19. 8 декабря 2010 г. областной суд признал решение об экстрадиции законным и своим постановлением отклонил жалобу заявителя. Суд установил, что заявитель знал о выдвинутых против него обвинениях, вследствие чего скрывался в Кыргызстане и

ходатайствовал о получении российского гражданства. Киргизские власти отказались экстрадировать его в Узбекистан по тем же обвинениям. По данным ФМС, заявитель являлся гражданином Кыргызстана, который не получил российское гражданство. Суд не учел ходатайство заявителя о предоставлении ему статуса беженца как не применимое к настоящему делу, поскольку оно было подано лишь после его задержания в России (см. ниже). Наконец, суд сослался на заверения Генеральной прокуратуры Узбекистана, в соответствии с которыми дело заявителя будет рассматриваться в строгом соответствии с национальными процессуальными нормами, и он не будет преследоваться по политическим мотивам. Что касается несоответствий в обвинительных заключениях, суд указал, что они различаются стилем и описанием событий и, таким образом, имели технико-юридический характер, что не могло помешать суду прийти к выводу, что обвинительное заключение предъявлено в отношении заявителя. Соответственно, суд не принял во внимание доводы заявителя и его адвоката касательно жестокого обращения в случае экстрадиции заявителя, посчитав их необоснованными. Суд не рассматривал вопрос, поднятый адвокатом заявителя в судебном заседании от 29 ноября 2010 г.

20. 14 декабря 2010 г. адвокат заявителя обжаловала указанное постановление. Она подчеркнула, что областной суд не стал рассматривать довод заявителя о жестоком обращении, сославшись исключительно на гарантии, предоставленные властями Узбекистана. Она также отметила, что районный суд не учел того факта, что заявитель никогда не преследовался в Российской Федерации за преступления, якобы им совершенные.

21. 23 декабря 2010 г. районная прокуратура Новосибирска сообщила адвокату заявителя о том, что выдача заявителя узбекским властям предполагается 28 декабря 2010 г.

22. 24 декабря 2010 г. адвокат заявителя ходатайствовал перед Судом о применении в отношении заявителя правила 39 Регламента Суда. В тот же день Суд удовлетворил ходатайство адвоката и сообщил об этом российским властям.

23. 31 декабря 2010 г. Власти информировали Суд о том, что заявитель не будет экстрадирован до получения дополнительного уведомления.

24. 1 февраля 2011 г. Верховный Суд Российской Федерации (далее – «Верховный Суд») отменил решение от 8 декабря 2010 г., установив, в частности, что несоответствия, на которые ссылается заявитель, являются основополагающими для квалификации его деяний. Суд также обратил внимание на возможные различия в квалификации преступных деяний, вменяемых заявителю в Узбекистане и деяний, наказуемых по российским законам. Суд направил дело в районный

суд на новое рассмотрение и продлил содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции до 1 марта 2011 г.

25. 31 января 2011 г. Генеральная прокуратура Узбекистана направила письмо заместителю Генерального прокурора. В письме пояснялось, что уголовное дело в отношении заявителя было возбуждено в соответствии с пунктами «а» и «б» части 3 статьи 159 УК Узбекистана, и содержались заверения, что персонал консульства Российской Федерации в Узбекистане сможет посещать заявителя во время его содержания под стражей.

26. 23 марта 2011 г. областной суд отменил решение заместителя Генерального прокурора от 30 сентября 2010 г. об экстрадиции заявителя и распорядился о его освобождении. Суд указал на различия между двумя обвинительными заключениями и пришел к выводу о том, что этот и другие недостатки процессуальной квалификации препятствуют властям в установлении природы обвинений, выдвинутых против заявителя, а также в определении дат и номеров возбужденных в отношении него уголовных дел. Суд обратил внимание на несоответствия формулировок преступных деяний, закрепленных в УК Узбекистана, и соответствующими положениями российского уголовного права. Суд сослался на предыдущие постановления Европейского Суда, устанавливающие нарушения статьи 3 Конвенции по делам об экстрадиции в Узбекистан и недостаточность в таких ситуациях дипломатических заверений.

27. 18 мая 2011 г. Верховный Суд, рассмотрев дело в кассационной инстанции, оставил без изменений постановление от 23 марта 2011 г. Суд также указал на различия в квалификации преступных деяний по российскому и узбекскому уголовному законодательству и пришел к выводу о недостаточности оснований для экстрадиции заявителя, содержащихся в представленных обвинительных заключениях.

28. 15 августа 2011 г. заместитель Генерального прокурора информировал своих узбекских коллег о вышеуказанных судебных решениях, а также о решении областного управления ФМС предоставить заявителю временное убежище в России (см. ниже). На основании вышеизложенного а также с учетом продления применения обеспечительных мер, предусмотренных правилом 39 Регламента Суда, экстрадиция заявителя в Узбекистан в соответствии с российским законодательством не могла быть произведена.

Г. Разбирательства, касающиеся содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции

29. 28 июня 2010 г. заявитель был задержан сотрудниками милиции в Новосибирске как лицо, разыскиваемое узбекскими властями. Он

был помещен в следственный изолятор ИЗ-54/1, где находился вплоть до своего освобождения 23 марта 2011 г. (см. ниже).

30. 30 июня 2010 г. Центральный районный суд города Новосибирска («районный суд») вынес постановление о заключении заявителя под стражу с целью последующей экстрадиции в Узбекистан.

31. 9 августа 2010 г. районный суд продлил срок предварительного заключения заявителя до 28 декабря 2010 г.

32. Заявитель не обжаловал постановления от 30 июня и 9 августа 2010 г.

33. 27 декабря 2010 г. районный суд продлил срок предварительного заключения заявителя до 28 марта 2011 г.

34. 29 декабря 2010 г. адвокат заявителя подала жалобу на вышеуказанное постановление.

35. 14 января 2011 г. районный суд подтвердил получение кассационной жалобы и сообщил адвокату заявителя о том, что она будет направлена в областной суд 21 января 2011 г. для последующего рассмотрения.

36. 26 января 2011 г. областной суд, рассматривая жалобу в кассационной инстанции, оставил в силе постановление от 29 декабря 2010 г. Суд не принял доводы адвоката о том, что характер обвинений, выдвинутых против заявителя в Узбекистане, не определен и что заявитель не привлекался к ответственности за преступления, предположительно совершенные на территории России. Суд установил, что постановление от 27 декабря 2010 г. содержало достаточные основания для увеличения срока содержания заявителя под стражей до девяти месяцев.

37. 23 марта 2011 г. в ходе разбирательств, связанных с экстрадицией заявителя, районный суд вынес решение об освобождении заявителя в зале суда. Данное решение вступило в силу 18 мая 2011 г. (см. пункты 26 и 27 выше).

Д. Материалы, касающиеся прошений заявителя о предоставлении ему российского гражданства и статуса беженца

38. 29 июня 2010 г. областное управление ФМС отклонило ходатайство заявителя о предоставлении ему российского гражданства на основании преследования его компетентными органами другого государства.

39. 27 октября 2010 г. заявитель обратился в областное управление ФМС с просьбой предоставить ему статус беженца. Он утверждал, что власти Республики Узбекистан преследовали его по «надуманным» обвинениям, связанным с предполагаемыми политическими и

религиозными предпочтениями заявителя, и что он не мог найти эффективного средства защиты в Кыргызстане. 21 марта 2011 г. областное управление ФМС отклонило ходатайство заявителя.

40. 24 марта 2011 г. заявитель подал заявление о предоставлении ему временного убежища. 21 июня 2011 г. областное управление ФМС пришло к выводу о том, что права заявителя в соответствии со статьями 3 и 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод могут быть нарушены в случае, если он будет вынужден вернуться в Кыргызстан или Узбекистан.

41. 28 июля 2011 г. Генеральная прокуратура обратилась в ФМС России с запросом о проверке законности постановления областного управления ФМС. 5 августа 2011 г. ФМС России подтвердила законность постановления о предоставлении заявителю временного убежища.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

42. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания (часть 2 статьи 13 УК РФ).

43. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, Российская Федерация может выдать иностранному государству иностранного гражданина или лицо без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, для уголовного преследования или исполнения приговора за деяния, которые являются уголовно наказуемыми по уголовному закону Российской Федерации и законам иностранного государства, направившего запрос о выдаче лица (часть 1 статьи 462 УПК РФ).

44. Для получения более подробной информации об остальных аспектах соответствующего национального законодательства и практики задержания и экстрадиции см. постановление Европейского Суда от 17 декабря 2009 года по делу «Джураев против России» (*Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 38124/07, пункты 32–46.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

45. Заявитель утверждал, что содержание его под стражей до экстрадиции являлось незаконным и что вопрос о законности его содержания под стражей не был рассмотрен безотлагательно, как это предусмотрено подпунктом «е» пункта 1 и пунктом 4 статьи 5 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным. ...»

46. Власти возражали против данного довода.

A. Подпункт «f» пункта 1 статьи 5

1. Приемлемость

47. Суд прежде всего отмечает, что заявитель не обжаловал постановление о задержании от 30 июня 2010 г. и постановление о продлении срока его содержания под стражей от 9 августа 2010 г., вынесенные Центральным районным судом г. Новосибирска. Таким образом, Суд считает, что жалобы, связанные с законностью его содержания под стражей в период, предшествующий 28 декабря 2010 г., должны быть отклонены по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

48. Что касается законности содержания заявителя под стражей после 28 декабря 2010 г., Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35

Конвенции, а также не является неприемлемой по иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

49. Ссылаясь на предыдущие постановления Суда, заявитель утверждал, что формулировки норм российского законодательства, регулирующие вопросы содержания под стражей лиц с целью их последующей экстрадиции, являются неясными, и двусмысленными, вследствие чего не соответствуют стандарту «качества закона» в соответствии с Конвенцией (см. постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 г. по делу «Насруллоев против России» (*Nasrulloev v. Russia*), жалоба № 656/06, пункт 72; постановление от 4 ноября 2010 года по делу «Султанов против России» (*Sultanov v. Russia*), жалоба № 15303/09, пункт 86).

50. Власти утверждали, что содержание заявителя под стражей являлось законным как по смыслу национального законодательства, так и с точки зрения Конвенции. Они отметили, что первоначально содержание заявителя под стражей осуществлялось во исполнение постановления Центрального районного суда г. Новосибирска 30 июня 2010 г., а затем, 9 августа 2010 г., срок его содержания под стражей был продлен. Заявитель не обжаловал ни одно из этих постановлений. 27 декабря 2010 г. Центральный районный суд вновь продлил срок содержания заявителя под стражей, а 26 января 2011 г. была отклонена кассационная жалоба заявителя в Новосибирский областной суд.

51. Суд отмечает, что в период с 28 июня 2010 г. по 23 марта 2011 г. заявитель находился под стражей с целью его дальнейшей экстрадиции в Узбекистан, и поэтому такое задержание подпадало под действие подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Суд уже установил, что жалобы заявителя, связанные с начальным периодом его содержания под стражей и первым продлением срока содержания под стражей являлись неприемлемыми (см. пункт 47 выше). Поэтому при рассмотрении жалобы он будет принимать во внимание только период с 28 декабря 2010 г. по 23 марта 2011 г.

52. Действительно, в ряде предыдущих дел, предметом рассмотрения в которых являлась законность содержания в России под стражей лиц, ожидающих экстрадиции, Суд устанавливал нарушение названных положений Конвенции. При этом Суд принимал во внимание отсутствие ясных правовых норм, устанавливающих порядок вынесения постановлений о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей с целью экстрадиции и установления сроков такого содержания под стражей, а также констатировал отсутствие достаточных мер, направленных на защиту от произвольного содержания под стражей (см., например,

постановление Европейского суда по делу Джураева (*Dzhurayev*), вышеупомянутое, пункт 68, и по делу Султанова (*Sultanov*), вышеупомянутое, пункт 86).

53. Однако, в отличие от упомянутых выше дел, содержание заявителя под стражей в данном случае было санкционировано и продлено компетентным национальным судом. В постановлениях о продлении содержания под стражей указывались сроки, в соответствии с требованиями статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и заявителю сообщалось о возможности обжалования данных постановлений.

54. Изложенных выводов достаточно для того, чтобы Суд констатировал факт отсутствия в данном деле нарушений требований законности содержания под стражей, установленных пунктом 1 статьи 5 Конвенции, чего не было в делах, на которые ссылается заявитель.

55. Соответственно, в данном случае не было нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Б. Предполагаемое нарушение требований пункта 4 статьи 5 Конвенции

56. Заявитель утверждал, что задержка между моментом подачи его жалобы от 29 декабря 2010 г. и моментом рассмотрения Новосибирским областным судом распоряжения районного суда от 26 января 2011 г. нарушила требование пункта 4 статьи 5 Конвенции о безотлагательном рассмотрении.

57. Власти утверждали, что нарушения указанного положения не имелось. Они отметили, что жалоба на постановление Центрального районного суда от 27 декабря 2010 г. была подана представителем заявителя 29 декабря 2010 г. Дни с 1 по 11 января 2011 г. в России являются официальными праздничными днями. 13 января районный суд направил копию жалобы в прокуратуру, а 21 января 2010 г. переслал жалобу в Новосибирской областной суд. 26 января 2011 г. областной суд отклонил жалобу.

58. Суд повторяет, что пункт 4 статьи 5 Конвенции провозглашает право на безотлагательное вынесение судебного решения о законности содержания под стражей и его отмену в том случае, если данное решение окажется незаконным (см. постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» (*Baranowski v. Poland*), жалоба № 28358/95, пункт 68, ECHR 2000-III). Пункт 4 статьи 5 не обязывает Договаривающиеся государства предусмотреть дополнительную судебную инстанцию для рассмотрения законности содержания под стражей. Однако, если национальное законодательство предусматривает возможность для обжалования, вышестоящий орган

должен также соответствовать требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции, в частности, в отношении безотлагательности рассмотрения дела в порядке апелляции (см. постановление Европейского Суда от 25 октября 2007 г. по делу «Лебедев против России» (*Lebedev v. Russia*), жалоба № 4493/04, пункт 96). В то же время требование «безотлагательности» применительно к разбирательству в суде вышестоящей инстанции является менее строгим. Суд напоминает в связи с этим, что право на пересмотр решения нижестоящего суда, гарантированное пунктом 4 статьи 5 Конвенции, предназначено прежде всего для того, чтобы избежать произвольного лишения свободы. В тех случаях, когда задержание происходит в соответствии с постановлением суда, последующие разбирательства в меньшей степени подвержены произвольным действиям, но при этом предоставляются дополнительные гарантии, направленные, прежде всего, на оценку целесообразности продления срока содержания под стражей. Таким образом, суд кассационной инстанции при рассмотрении дела безотлагательно будет уделять меньше внимания, чем суд, который изначально рассматривает основания для содержания под стражей, при том, что процедура, которой следовал суд кассационной инстанции, была произведена в соответствии с процессуальными нормами и предоставляла задержанному соответствующие процессуальные гарантии (там же).

59. Несмотря на то, что количество дней, в течение которых проводились соответствующие процессуальные действия, безусловно является важной характеристикой срочности рассмотрения дела, данный факт сам по себе не обязательно является решающим для рассмотрения вопроса о том, было ли решение вынесено с соблюдением необходимой срочности (см. решение Европейского Суда от 20 сентября 2007 г. по делу «Мери против Нидерландов» (*Merie v. the Netherlands*), жалоба № 664/05). Во внимание принимаются, прежде всего, заинтересованность властей, любые задержки по вине заявителя и любые факторы, влияющие на появление задержек, за которые государство не может нести ответственность (постановление Европейского Суда от 21 декабря 2000 г. по делу «Яблонский против Польши» (*Jablonski v. Poland*), жалоба № 33492/96, пункты 91–94, и постановление от 30 ноября 2000 г. по делу «G.B. против Швейцарии» (*G.B. v. Switzerland*), жалоба № 27426/95, пункты 34–39). Вопрос о том, было ли соблюдено право на безотлагательное вынесение судебного решения, должен решаться с учетом обстоятельств конкретного дела (см. постановление Европейского Суда по делу «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункт 84, ECHR 2000-XII).

60. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что задержка между моментом подачи жалобы и моментом ее

рассмотрения составляет двадцать восемь дней. Суд повторяет в этой связи, что подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции не требует, чтобы содержание под стражей лица, которое подлежит депортации или экстрадиции, было обоснованно признано необходимым, к примеру для предотвращения совершения им преступления или попытки скрыться от правосудия. В этой связи подпункт «e» пункта 1 статьи 5 Конвенции предусматривает другой уровень защиты по сравнению с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции: все, что требуется в соответствии с подпунктом «f», это «принять меры с целью депортации или экстрадиции». Следовательно, в целях подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции является несущественным тот факт, может ли решение об экстрадиции быть обоснованным на основании федерального законодательства или Конвенции (см., в числе прочих, постановление от 6 декабря 2007 г. по делу «Лиу против России» (*Liu v. Russia*), жалоба № 42086/05, пункт 78).

61. Прежде всего, Суд считает, что тот факт, что часть рассматриваемого периода выпала на праздничные дни, как указывалось Властями, не может сам по себе служить основанием для задержки, которая имела место в данном деле. Требование Конвенции в отношении того, что факты лишения свободы должны подвергаться независимой судебной оценке, имеет принципиальное значение в контексте основной цели статьи 5 Конвенции, в целях защиты от произвола (см. постановление Европейского Суда от 20 июня 2002 г. по делу «Аль-Нашиф и другие против Болгарии» (*Al-Nashif and Others v. Bulgaria*), жалоба № 50963/99, пункт 92). Обязанностью государства является организация своей судебной системы таким образом, чтобы деятельность судов соответствовала требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 22 декабря 2009 г. по делу «Бутусов против России» (*Butusov v. Russia*), жалоба № 7923/04, пункт 34). Хотя некоторая задержка и может быть оправданной, в исключительных случаях, в связи с государственным праздником, Суд считает, что требование заинтересованности государства в обеспечении рассмотрения безотлагательных судебно-правовых вопросов, затрагивающих право на свободу и личную неприкосновенность, должно иметь место в тех случаях, когда праздники длятся в течение одиннадцати дней.

62. Не подтвержден тот факт, что заявитель или его адвокат как-то повлияли на продолжительность рассмотрения дела судом кассационной инстанции. По всей видимости в суде кассационной инстанции не рассматривались сложные вопросы при установлении законности содержания заявителя под стражей. Также не заявлялось, что для надлежащего рассмотрения факта содержания заявителя под стражей был необходим, например, сбор дополнительной информации, а также документов, касающихся личных обстоятельств заявителя.

Помимо вопросов, которые рассматривались в предыдущем пункте, власти при обосновании задержки не ссылались на какие-либо иные исключительные обстоятельства. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд делает вывод о том, что задержка в данном деле не может считаться совместимой с требованием «безотлагательности», изложенным в пункте 4 статьи 5 Конвенции.

63. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение требований пункта 4 статьи 5 Конвенции.

II. ИНЫЕ ЖАЛОБЫ

64. В своей первоначальной жалобе заявитель также жаловался на нарушение статей 3 и 13 Конвенции. Однако, в своих замечаниях по вопросам приемлемости и по существу дела, в связи с решением не экстрадировать его в Узбекистан и предоставить ему временное убежище в России, он просил Суд не приступать к рассмотрению этих жалоб. Вследствие этого, а также с учетом отсутствия особых обстоятельств, касающихся соблюдения прав, гарантированных Конвенцией или Протоколами к ней, которые потребовали бы дальнейшего изучения данной части жалобы, Суд считает, что дальнейшее рассмотрение этой части жалобы не является возможным по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

65. Соответственно, рассмотрение данной части жалобы должно быть прекращено.

III. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

66. С учетом вышеизложенных выводов в связи со статьей 3 Конвенции, Суд считает возможным отменить обеспечительные меры, примененные в отношении государство-ответчика в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

67. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

68. Заявитель требовал сумму в размере 7000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного ему в связи с незаконным содержанием под стражей и продолжительностью срока рассмотрения его кассационной жалобы национальным судом.

69. Власти Российской Федерации оспаривали требования заявителя, считая их чрезмерными и необоснованными..

70. Рассматривая данное дело, Суд установил факт нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции. Суд признает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть надлежащим образом компенсирован одним лишь фактом признания нарушений его прав. Поэтому Суд присуждает заявителю 2000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, который может быть взыскан с суммы компенсации.

Б. Издержки и расходы

71. Заявитель также потребовал 5 802 евро в качестве компенсации издержек и судебных расходов, понесенных им в ходе разбирательств в национальных судах и в ходе рассмотрения его жалобы Судом. Он представил смету расходов, которая включала 15,5 часов работы Е. Рябининой и 32 часа работы Э. Давидян по почасовой ставке в размере 100 евро. Также он требовал компенсации административных расходов и расходов на использование почтовой связи в размере 332 евро.

72. Власти указали, что заявитель не представил суду договор о предоставлении услуг представителя, который мог бы обязать заявителя уплатить заявленные суммы.

73. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в том размере, в рамках которого он доказал, что эти расходы действительно имели место, были необходимы и разумны. В данном случае, принимая во внимание документы, находящиеся в распоряжении Суда и вышеуказанные критерии, а также тот факт, что в части требований,

содержащихся в жалобе, не было обнаружено каких-либо нарушений, Суд считает разумным присудить сумму в 1500 евро на покрытие расходов по всем пунктам (см. постановление Европейского Суда по делу «Фадеева против России» (*Fadeyeva v. Russia*), жалобу № 55723/00, пункт 147, ECHR 2005-IV).

В. Проценты за просрочку платежа

74. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявляет* приемлемыми жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции и пункта 4 статьи 5 Конвенции в части, касающейся периода с 28 декабря 2010 г. и 23 марта 2011 г., а другую часть жалобы в соответствии со статьей 5 Конвенции – неприемлемой;
2. *решает* исключить требования жалобы о нарушении статей 3 и 13 Конвенции;
3. *постановляет*, что в настоящем деле отсутствовало нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
4. *постановляет*, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
5. *решает* отменить указание о применении обеспечительных мер, ранее данное государству-ответчику в соответствии с правилом 39 Регламента Суда;
6. *постановляет*:
  - (а) что в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, государство-ответчик обязано выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в российские рубли по курсу на день выплаты:
    - (i) 2 000 (две тысячи) евро в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, который может быть удержан с этой суммы;

(ii) 1 500 (одну тысячу пятьсот) евро плюс любой налог, который может быть удержан с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты на присужденные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процента;

7. *отклоняет* другие требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление разослано в письменном виде 12 июня 2012 г., в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Нина Вайич
Председатель